

А. Д. КОШЕЛЕВ

ОЧЕРКИ
ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Издательский Дом ЯСК
Москва
2017

УДК 80/81
ББК 81
К 76

Кошелев А. Д.

К 76

Очерки эволюционно-синтетической теории языка. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 528 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-9500661-2-2

В монографии показывается, что на протяжении последних 50 лет теоретическая лингвистика находится в кризисе, поскольку представляет собой множество взаимно противоречащих доктрин. Эволюционно-синтетическая теория языка нацелена на преодоление данного кризиса. В ней реализуется мультидисциплинарный подход, описывающий язык а) в эволюционном и онтогенетическом развитии и б) в тесном взаимодействии с другими человеческими подсистемами: мышлением, деятельностью, памятью, социальным взаимодействием и др. Язык определяется как развивающаяся в онтогенезе дуальная система: универсальный сенсорный подязык + лингвоспецифичный функциональный подязык, где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира. В рамках излагаемого подхода получают решение многие проблемы: 1) когнитивный (невербальный) язык для представления языковых значений; 2) многообразие и единство языков (используется структура, альтернативная Универсальной Грамматике Хомского); 3) главная (исходная) функция языка; 4) когнитивный язык мысли (его базу составляют лексические и грамматические значения сенсорного подязыка); 5) смысл (назначение) синтаксической структуры предложения; 6) механизмы усвоения ребенком лексических и грамматических значений; 7) дуальная (функционально-прототипическая) структура человеческих категорий и др.

В книге рассматривается широкий круг вопросов, касающихся человеческого познания, глотто- и антропогенеза, универсальных когнитивных структур представления предметов, действий и ситуаций, поэтому она будет интересна не только лингвистам, но и психологам, антропологам, социологам, философам.

В оформлении переплета использована композиция А. Гауди «Скамейка для двоих»

**УДК 80/81
ББК 81**

ISBN 978-5-9500661-2-2

© Кошелев А. Д., 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Предисловие	9
-------------------	---

Введение

Основы эволюционно-синтетической теории языка	15
--	-----------

I. Онтогенез языка во взаимосвязи с представлением мира и деятельностью человека. Глоттогенез и антропогенез	15
II. Концептуальные структуры языковых значений (слова, предикативного ядра, простого предложения)	53
III. Дуальная схема языка. Многообразие и единство человеческих языков	91

Глава 1

Об антагонизме современных теорий языка

и путей его преодоления	109
§ 1. Введение	109
§ 2. Множество несовместимых концепций языка	112
§ 3. Сопоставительный анализ некоторых взаимно противоречащих концепций языка	118
§ 4. Противоречия в описаниях отдельных проблем лингвистики	128
§ 5. О бесплодности попыток достигнуть консенсуса....	132
§ 6. Является ли лингвистика естественной наукой?	134
§ 7. Кризис и его причины	139
§ 8. Принципы построения эволюционно-синтетической теории языка	144
§ 9. Кризис когнитивных наук о человеке	146
§ 10. О причинах кризиса в когнитивных науках о человеке	151

Глава 2**Референциальный подход**

к описанию основных лексических значений	157
§ 11. О референциальном подходе в лексической семантике. Анализ значений слов <i>стул</i> и <i>кресло</i>	157
§ 12. Анализ основных значений глаголов действия <i>ударить, коснуться, толкнуть,</i> <i>падать, брать</i> и <i>взбираться</i>	186
§ 13. Глаголы неподвижного положения в пространстве <i>стоять, сидеть, лежать</i> и <i>висеть</i>	214
§ 14. Глаголы движения <i>идти, бежать,</i> <i>ползти, шагать, прыгать</i> и <i>ехать</i>	227
§ 15. О структуре лексической полисемии	253
§ 16. Приложение 1. Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука (февраль — март 1995 г.)	273
§ 17. Приложение 2. Раннее усвоение ребенком законов физического мира	283

Глава 3**Базовые концепты**

как нейробиологические коды памяти	289
§ 18. Предметные и двигательные концепты	289
§ 19. О психофизическом состоянии и нейробиологии человеческих действий	310

Глава 4

Элементы сенсорной грамматики	327
§ 20. Об основном и производных значениях приименного генитива (<i>ручка двери, ветка дерева</i>)	327
§ 21. О структурном единстве лексических и грамматических значений. Значение глагольной переходности	339
§ 22. Основное и производные значения залога. Система значений постфикса <i>-сь/ся</i>	350

Глава 5

Универсальные значения, сенсорный язык, когнитивный конструктор, язык мысли	371
§ 23. Предмет и система его частей (партитивный концепт). Сенсорное значение предметного существительного.....	371
§ 24. Предмет и система его свойств (атрибутивный концепт). Концептуализация предметных свойств	391
§ 25. Действие и системы его частей и свойств. Сенсорное значение глагола действия.....	399
§ 26. Ситуация и система ее участников. Сенсорное значение простого предложения.....	404
§ 27. Когнитивный конструктор, язык мысли и сенсорный язык	415
§ 28. Дуальная структура представления мира и языка....	424

Глава 6

Об эволюции этноса и его языка	439
§ 29. Мир и язык индейцев пирахан как пример начального периода эволюции этноса и его языка...	439
§ 30. Схемы эволюции этноса и его языка	456

Литература	483
-------------------------	------------

Указатели

Именной указатель	509
Предметный указатель	515
Указатель концептов предметов, действий, отношений и ситуаций	523
Указатель лексических и грамматических значений	524
Указатель проблем (с вариантами решений).....	526

Предисловие

1. Место эволюционно-синтетической теории языка в ряду других концепций

1.1. Зачем нужна новая теория языка? Увидев заглавие этой книги, читатель вполне резонно может воскликнуть: «Как? Еще одна теория языка? Неужели автору недостаточно нескольких десятков уже существующих теорий? Имеет ли смысл прибавлять к ним еще одну и приближать тем самым ситуацию первой трети XIX в., когда, согласно А. Мейе, существовало “столько же лингвистик, сколько и лингвистов”?» (с. 113)¹.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сначала обрисовать современное состояние теоретической лингвистики. Из проведенного в Главе I анализа следует, что характерной чертой этого состояния является одновременное существование множества несовместимых теорий языка. Во второй половине XX в. еще можно было говорить о единстве различных подходов к языку. Так, по мнению Р. Якобсона, единство разнообразным лингвистическим доктринам придавал «кардинальный принцип структурного подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики», поэтому «исследование языковой структуры является основной задачей всех направлений современной лингвистики» (с. 113—114). Однако к концу XX в. это единство исчезло без следа (с. 114—115). В результате общее ядро знаний о языке, разделяемое представителями различных лингвистических доктрин, сократилось до предельного минимума. Понятно, что рассчитывать на расширение

¹ Здесь и далее в предисловии и введении в скобках указаны страницы и параграфы книги.

этого ядра в процессе дальнейшего «развития» лингвистики — ее движения по параллельным или даже расходящимся путям — не приходится.

Сложившаяся ситуация губительна не только для лингвистики, но и для междисциплинарных исследований. Представители других, смежных с лингвистикой наук о человеке (психологии, биологии, антропологии и пр.) для обоснования своих позиций ссылаются на результаты, принадлежащие разным, подчас антагонистичным концепциям языка, что приводит к нарастающей путанице (с. 133).

1.2. Причины кризиса теоретической лингвистики. Касаясь причин возникшего теоретического тупика, следует указать на два фундаментальных изъяна, присущих (по отдельности или в совокупности) современным лингвистическим доктринам (§§ 3, 4). Во-первых, во многих из них по-прежнему доминирует синхронический подход, игнорирующий процессы макро- и микроэволюции языка, его онто- и глоттогенеза. Во-вторых, при описании механизмов функционирования языка в них не учитывается комплексный вклад сопредельных ему подсистем — мышления, представления знаний, деятельности, памяти и др.

На преодоление указанных изъянов и нацелена эволюционно-синтетическая теория языка, начальная версия которой представлена в этой книге.

1.3. Общие принципы эволюционно-синтетического подхода к языку. Излагаемый подход восходит к античности, к представлениям Аристотеля о различении действительности, мышления и языка и о роли языка как инструмента описания мысленных представлений человека о мире. Наряду с этим в нем развивается линия исследований языка как одной из подсистем человека, которая функционирует не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими его подсистемами, прежде всего с мышлением (представлением знаний) и деятельностью. Синтетическое изучение взаимодействия этих подсистем влечет за собой системное присоединение к базовой концепции языка результатов из ряда других областей знаний, тесно связанных с лингвистикой. Это теории: базовых концептов Э. Рош, Дж. Лакоффа, К. Мервис и др.; мышления Н. М. Се-

человека; биодвижений Н. А. Бернштейна; визуального восприятия и распознавания действий Г. Йохансона, С. Рунесона, Г. П. Бингэма и др. и памяти Д. Циня. Социальный фактор эволюции языка описывается на базе исследования этнического прогресса Л. Моргана. Все перечисленные концепции выдержали, на наш взгляд, испытание временем и потому могут стать составными частями единого подхода к описанию человеческого мышления, деятельности и языка.

Эволюционная составляющая подхода выражается в тотально широком использовании общей теории развития, сформировавшейся в трудах Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Х. Вернера и других ученых. Она привлекается к анализу как проблем языковой эволюции (от макро- и микродиахронии лексических и грамматических значений до глоттогенеза и эволюционной структуры языка), так и тесно связанных с ними проблем антропогенеза.

Излагаемая концепция языка является мультидисциплинарной. Она мыслится как альтернатива множеству современных лингвистических доктрин. Возникает естественный вопрос: а могут ли, в свою очередь, появиться альтернативы для нее? Наш ответ: да, могут. Но, поскольку альтернативы также должны быть мультидисциплинарными, их не может быть больше одной или двух. А это уже типичное состояние нормально развивающейся науки.

2. Внешняя оценка эволюционно-синтетического подхода к языку

При появлении новой концепции первые оценки, данные ей специалистами, представляют особый интерес. Аналитический обзор излагаемой здесь концепции языка содержится в монографии Л. Г. Зубковой «Теория языка в ее развитии», посвященной «анализу ключевых философско-лингвистических учений... с античности до наших дней» [Зубкова 2016: 15], ср.:

Отношения между миром внешних явлений и внутренним миром человека, между действительностью, мышлением и языком занимают центральное место в теории языка. Однако

реальные механизмы связи между ними, по сути, оставались нераскрытыми до конца XX в.

Выявление таких механизмов становится возможным на основе развиваемой А. Д. Кошелевым когнитивной теории семантики, совмещающей референциальный подход к языку с концептуальным.

Их прообразом, по-видимому, является выделенное в античности противопоставление двух миров. С одной стороны, это «область зримого» (чувственный мир), с другой — «область умопостигаемого» (мир идей) [Зубкова 2016: 534].

В предисловии, анализируя вклад различных лингвистических концепций в формирование единого учения о языке, Л. Г. Зубкова пишет:

А. Д. Кошелев делает следующий важнейший шаг — к синтезу когнитивной и языковой способностей в их взаимосвязанном развитии, к системному единству универсального и специфического, абстрактного и конкретного в языке. Он исходит из закономерностей в познании объекта — от нерасчлененного самого общего представления об объекте к выделению в нем отдельных аспектов и далее к синтезу накопленных таким образом знаний о различных сторонах объекта в системном целостном его представлении [Там же: 20].

Анализ нашего подхода к языку содержится также в книге Т. Г. Скребцовой «Когнитивная лингвистика: классические теории и современные подходы», в печати, глава 9, разделы 1 и 4.

3. Пути прочтения книги

Составляющие книгу очерки складываются в серию относительно самостоятельных разделов — этим и объясняются неизбежные в таких случаях повторы. Поэтому к чтению книги можно подойти по-разному. Можно последовательно прочитать все шесть глав, а можно пойти более коротким путем, начав чтение с Главы 2 (описание основных и производных лексических значений), а далее перейти к Главам 5 (дуальная структура языка, язык мысли) и 6 (эволюция этноса и его языка). Для тех, кому и этот путь кажется слишком длинным, могу посоветовать еще более короткий маршрут из семи параграфов: § 11 → § 15 → § 23 → § 24 → § 27 →

§ 28 → § 30. Наконец, для самых нетерпеливых читателей есть наикратчайший, но и самый лакунарный путь: § 27 → § 28 → § 30.

Однако все перечисленные пути должны, на мой взгляд, начинаться с нижеследующего Введения, в котором излагаются и иллюстрируются на примерах основные положения книги. Вполне допускаю, что некоторым читателям и его окажется достаточно.

4. Благодарности

Книга представляет собой итог многолетних исследований. Всё это время я пользовался поддержкой, советами, рекомендациями и критическими замечаниями большого числа людей — от самых близких друзей и коллег до анонимных рецензентов.

К сожалению, за все годы исследовательской работы я не смог найти ни одного единомышленника, который бы разделял основные положения излагаемой теории языка, и лишь совсем недавно — на завершающем этапе написания книги — я наконец обрел такого единомышленника. Очень рад, что им оказался столь известный и авторитетный лингвист, как Л. Г. Зубкова. Ее поддержка, советы и критические замечания были для меня чрезвычайно важны, поэтому к ней первой обращены слова моей благодарности.

Выражаю также самую искреннюю признательность родным, друзьям и коллегам, помогавшим мне на протяжении всей этой работы — в дискуссиях, комментариях к рукописям статей и пр.: Г. В. Бондаренко, С. А. Жигалкину, Вяч. Вс. Иванову, А. С. Касьяну, А. А. Кибрику, А. Г. Козинцеву, М. И. Козлову, А. В. Кравченко, С. А. Крылову, Л. П. Крысину, Ю. В. Мазуровой, И. А. Мельчуку, Н. В. Перцову, Т. В. Самариной, Т. Г. Скребцовой, Г. С. Старостину, Я. Г. Тестельцу, Е. С. Яковлевой и J. Smith (Tromsø, Norway), а также ряду анонимных рецензентов.

Моя благодарность редактору книги В. В. Столяровой, неутомимо работавшей над текстом на всём пути его следования в типографию, корректору Е. Г. Сметанниковой и верстальщице Е. В. Андреевой.

*А. Д. Кошелев,
18 июля 2017 г.*

Введение

ОСНОВЫ ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Очерки, составляющие эту книгу, были написаны в разное время и потому, во-первых, отражают эволюцию моих взглядов на язык, а во-вторых, относительно самостоятельны. Цель настоящего Введения — дать итоговое (на сегодня) изложение теории языка, соединяющее воедино весь круг рассматриваемых в книге проблем. Как оказалось, для реализации этой цели потребовался текст довольно большого объема, поскольку некоторые темы пришлось излагать более детально, чем это принято во Введении. Что касается унификации терминологии, то она затронула два термина. В большинстве очерков исходное, наиболее конкретное значение слова называется основным значением, а функциональная составляющая этого значения называется или функцией, или семантическим ядром. Во Введении основное значение называется сенсорным, а его функциональная составляющая — только функцией.

I. **Онтогенез языка во взаимосвязи с представлением мира и деятельностью человека. Глоттогенез и антропогенез**

Эволюционно-синтетическая теория языка базируется на следующих двух положениях.

1. Язык изучается как компонент элементарной модели человека:

- (1) Модель человека = «Мышление (Представление мира) — **Деятельность** — Язык».

В ней Деятельность определяется как главный компонент (выделена полужирным), а Представление знаний и Язык — как дополнительные компоненты, способствующие (каждый по своему) успешному осуществлению Деятельности.

Как мы покажем ниже, компоненты этой модели развиваются в тесном взаимодействии друг с другом. Поэтому язык рассматривается как *з а в с и м ы й* компонент модели (1), изучение которого тесно связано с изучением двух других ее компонентов.

2. Язык и другие компоненты модели человека изучаются в онтогенезе — как последовательности состояний, порожденных этапами детского развития. В качестве главного инструмента онтогенетического анализа мы используем общую теорию развития, позволяющую проследить трансформацию исходно синкретичных детских образований (восприятия, представления мира и др.) в системы взаимосвязанных компонентов.

В результате проведенного анализа, язык предстает как совокупность двух последовательно возникающих в онтогенезе составляющих:

- (2) Язык = Универсальный сенсорный подязык + Этноспецифичный функциональный подязык,

где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира.

Чтобы более подробно представить реализацию сформулированных положений, построим две версии модели человека для двух последовательных этапов развития ребенка: с конца первого до конца второго года и с конца второго до конца третьего года.

1. Онтогенез

1.1. Развитие ребенка в течение второго года жизни.

1.1.1. Представление мира. Дети рано начинают понимать и употреблять слова, характеризующие положения предметов в пространстве и их физические взаимодействия: *толкнуть, бежать,*

падать, *стоять* и др. Между тем значения этих слов содержат нетривиальные понятийные компоненты, недоступные прямому восприятию. Действие «толкнуть» предполагает, что объект начинает двигаться потому (каузальное отношение), что субъект посредством контакта передает ему «силу движения». Для действия «падать» характерно движение предмета вниз только под действием его веса. Если камень уронили, то он падает, а если бросили вниз сообщив дополнительную силу движения, то нет — он летит вниз, и это движение уже нельзя назвать глаголом *падает*. Поэтому для правильного употребления этих слов ребенок должен понимать (реконструировать) невидимые силовые характеристики взаимодействия предметов в пространстве.

Естественно задаться вопросом: как и когда ребенок усваивает все эти знания?

Имеется множество экспериментальных данных, свидетельствующих об удивительно быстром познании младенцем окружающей действительности, в частности законов физического мира [Spelke et al. 1992; 1995; Csibra et al. 2003; Gergely et al. 1995; Baillargeon 1994; 2002; Carey 2009; Murphy 2002; Пинкер 2004: 403; Сергиенко 2006; Субботский 2007]. Так, с середины первого года жизни младенец начинает различать неживые объекты и живые существа. Он уже понимает, что, в отличие от людей и животных, физические предметы не способны к самодвижению (например, начать движение без внешнего воздействия другого предмета, резко остановиться в отсутствии препятствия) и не могут двигаться целенаправленно: огибать препятствия, останавливаться перед ним и возвращаться назад и т. п.

Приведем кратко экспериментальные данные, непосредственно связанные с усвоением семантики глаголов *ударить* и *падать*. Подробнее см. § 17.

1. Столкновение предметов. Младенцы 3 месяцев считают, что если шар скатывается с пологой горки и ударяет в стоящий под горкой предмет, то тот должен переместиться даже в случае, если шар очень маленький, а предмет очень большой. Но младенцы 6 месяцев понимают это взаимодействие значительно лучше. Они уже знают, что, чем больше шар, тем дальше должен перемещаться предмет и наоборот. При этом, если младенцы видели, что шар останавливается, чуть-чуть не доходя до предмета, а последний

начинает движение («толчок без столкновения»), они были удивлены таким действием. Если же шар подкатывался вплотную к предмету, а последний начинал движение не сразу, а с некоторой задержкой («отсроченный толчок»), это тоже вызывало удивление младенцев. В совокупности проведенные эксперименты свидетельствуют о том, что с возраста 7 месяцев младенцы воспринимают два последовательных движения двух столкнувшихся предметов как «прямой толчок», т. е. как два движения, связанные каузальным отношением [Leslie 1984; Субботский 2007: 177—178].

По мнению А. Лесли, развивающему идеи А. Мишотта (см. о них, напр., в [Michotte 1962; Carey 2009: 217—221]), а также некоторых других ученых (см. библиографию в [Субботский 2007: 180]), рассмотренный выше прямой механический толчок, несущий в себе инкапсулированное каузальное отношение, служит источником для развития у ребенка более общего понимания причинно-следственных отношений между вещами. Подробное обсуждение этой точки зрения см. в [Carey 2009: 221—246].

2. Устойчивость неподвижного предмета к падению. Младенец месяцев жизни ожидает, что предмет, не имеющий контактов ни с одним другим предметом, должен падать, как, скажем, коробка, не имеющая контакта со столом. Если же коробка имеет хоть какой-либо контакт со столом (например, приставлена к боковой поверхности стола), то она не должна падать. В 5 месяцев младенец уже различает характер контакта коробки со столом (опорный контакт или нет), но еще не учитывает опорную площадь коробки, необходимую для ее стабильного положения на столе. Он считает, что коробка не должна падать даже в случае, если лишь 15 % ее основания опирается на стол, а остальная часть свисает над столом [Baillargeon 1994: 134]. В 6,5 месяцев младенец уже учитывает этот фактор и считает, что коробка не будет падать лишь в случае, если большая часть ее основания опирается на стол. Однако он пока еще не способен предсказывать устойчивость предметов более сложной формы. Например, младенец будет ожидать, что если сделанную из дерева букву Г поставить на стол, то она не упадет, поскольку основание ножки целиком опирается на поверхность стола. Но в 12,5 месяцев он уже так не думает, поскольку способен предсказывать устойчивость предмета сложной формы, что неизбежно связано со способностью определять центра тя-

жести предмета [Carey 2009: 90—93; Baillargeon 2002: 52—54; Когнитивная психология 2002: 367—369].

Продолжим обзор ранних знаний ребенка. При анализе процессов усвоения детьми базовых ситуаций движения обычно используются компоненты Л. Талми [Talmy 1985]: Фигура, Поверхность, Путь, Манера движения (способ движения — идет, бежит, летит и под.), а также Источник и Цель движения. Как показывают экспериментальные данные, дети очень рано начинают различать эти компоненты в наблюдаемых движениях. Например, младенцы с 12 месяцев вычленяют в движении Источник (пункт отправления) и Цель (пункт назначения) [Lakusta et al. 2007]. Чуть позднее дети начинают распознавать тип движения. С 14 месяцев они уже вычленяют в движении Агенса, манеру, а также путь (траекторию) его движения из множества движений с разными манерами и путями [Pruden et al. 2008: 176—177, 179].

Более поздние исследования [Göksun et al. 2010; Pruden et al. 2012; 2013] подтверждают и детализируют эти результаты. Следует подчеркнуть, что центральным для этих и ряда других исследований [Gentner, Boroditsky 2001; Golinkoff et al. 2002; Gentner, Bowerman 2009] является положение о первичности формирования у ребенка исходных концептуальных компонентов ситуаций движения, без которых усвоение глаголов и предлогов, описывающих эти ситуации движения, было бы для ребенка невозможным.

С полутора лет дети начинают различать в предмете отдельные свойства: форму [Landau et al. 1988; Markson et al. 2008: 204], размер, вес и др. [Бауэр 1985]. Примерно в это же время у детей начинают формироваться более общие свойства окружающего мира, которые чуть позднее становятся значениями грамматических единиц (граммем) его сенсорного языка, см. п. 1.1 раздела III.

Учитывая эти, а также некоторые другие данные, можно заключить, что к середине второго года жизни у ребенка появляется весьма дифференцированная перцептивная модель мира, содержащая прототипы многих видимых явлений действительности (объектов, действий, свойств и связывающих их отношений и взаимодействий) вместе с их человеческими осмыслениями (функциональными, силовыми, каузальными, мотивационными и др.).